

«УТВЕРЖДАЮ»
Директора БАН
научной работе

В. Колпакова
«15» февраля 2022 г.

Отзыв ведущей организации – Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Библиотеки Российской академии наук –
на диссертацию Старицына Александра Николаевича
«Староверческие поселения в Поморье в конце XVII – начале XVIII в.»
(М.: ИРИ РАН, 2021), представленную к защите на соискание ученой
степени кандидата исторических наук по специальности 5.61 –
Отечественная история в Диссертационный совет 24.1.112.01, созданный на
базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт российской истории Российской академии наук

Кандидатская диссертация А. Н. Старицына посвящена важной и
актуальной для российской истории теме ранней истории старообрядческого
движения. В работе исследуются староверческие поселения на территории,
объединяемой общим названием Поморье, в период с конца XVII по первое
тридцатилетие XVIII в.

Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения, приложений
и справочного аппарата. В первой главе рассматривается государственная
политика, направленная на распространение церковных нововведений на
севере Российского государства, во второй и третьей главе исследуются
собственно старообрядческие (староверческие) поселения этого региона.
Автором зафиксировано около 200 таких поселений, большая часть которых,
как отмечает исследователь, были «тайными», т. е. неизвестными русскому

правительству и не охваченными государственным налогообложением. Это обширная северная страна, долгие годы существовавшая тайно, по своим особым законам. В работе прослежен процесс возникновения, развития и угасания старообрядческих поморских поселений за полвека: делается вывод, что первыми возникли монашеские пустыни, основанные монахами, бежавшими из монастырей, вслед за ними – тайные крестьянские поселения, стремившиеся к организации по типу монастырей. Отдельно исследован вопрос об изменении политики государства по отношению к противникам церковных реформ.

В тексте диссертации автор предельно расширяет задачи исследования, касаясь проблем идеологии раннего старообрядчества в более ранний период (70–80-е гг. XVII в.), складывания старообрядческой эсхатологии, истории Выговской пустыни и условий формирования в ней уставов и правил монастырской жизни. Рассматривает он и проблему самосожжений в старообрядчестве и другие спорные темы. Подобная постановка проблемы сразу обнажает противоречие, так как стремление автора высказать свое суждение по всем затронутым им сложным вопросам не может базироваться только на декларированном исследовательском материале, а опирается на существующий необъятный исследовательский материал, при том, что исследователи (как это видно из диссертации) часто придерживаются в своих оценках прямо противоположных позиций.

Начнем со списка использованной автором литературы. Список этот очень обширен и впечатляет читателя. Следует учесть, что автор диссертации имел возможность использовать обобщающую библиографическую работу из аннотированной библиографии В.В. Молзинского (Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе». СПб., 1997), защищенную в качестве докторской диссертации. Диссертант существенно дополнил эту библиографию работами по истории старообрядчества, изданными после 1997 г., а их вышло по теме исследования достаточно много в России и за ее пределами.

На с. 16 исследования диссертант пишет: «Американский исследователь Г. Михельс в обстоятельном монографическом исследовании, пытаясь объяснить зарождение староверческого движения, предложил оригинальную, но крайне претенциозную теорию. По мнению Г. Михельса, церковные реформы не вызвали широкого протеста в обществе, только небольшой круг священников защищал старину. Их он и считает старообрядцами, а остальных, кто выступал против нововведений в церковной жизни независимо от деятельности кружка «боголюбцев», Г. Михельс называет раскольниками или инакомыслящими» (Michels, G.B. The Solovki Uprising: Religion and Revolt in Northern Russia / G.B. Michels // The Russian Review. – Vol. 51, No. 1 (Jan., 1992). – P. 1–15; Michels G.B. The violent Old Belief: an examination of religious dissent on the Karelian frontier / G.B. Michels // Russian History. 1992. № 1–4 (19). P. 203–229»). Между тем, сходная идея была высказана и развита еще в 1995 г.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. С. 48–50 и др. Широкому распространению старообрядческого движения в России предшествовал почти 12-летний период (1954–1967 гг.) внутрицерковного раскола, когда идеологи старообрядчества (Спиридон Потемкин, Никита Добрынин, дьякон Федор Иванов, протопоп Аввакум и др.) подробно исследовали новоизданные при Никоне книги, сравнив их с древними (печатными и рукописными) и подготовили эсхатологическое толкование сделанных редакционных исправлений книг и обрядов. И лишь после создания этого развернутого старообрядческого «учения» развернулась его пропаганда, «усвоенная» и принятая простыми верующими. Не познакомился диссертант и с изданными в 2006 г. сочинениями соловецкого казначея и книжника Геронтия, который в своем «Сказании о новых книгах» (1667 г.) подытожил и дополнил собранный старообрядческими книжниками материал по церковной реформе с использованием рукописей Соловецкой книжницы. Далеко не всегда использованы в работе и важные для понимания

старообрядческой идеологии исследования: например, работа Т.А. Опариной о влиянии работ украинских церковных полемистов XVI – начала XVII в. на становление старообрядческой идеологии (Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998 и др.).

Большое внимание диссертант уделяет вопросу о том, были ли старообрядческие поселения на Севере монашескими или светскими крестьянскими общинами. На с. 43 читаем: «Скитские поселения староверов отличались от монастырских тем, что создавались с учетом особенностей скитского устава, на основании которого скитянам разрешалось владеть имуществом и вести самостоятельное хозяйство. В целях рационального ведения хозяйства в староверческих скитах допускалось проживание больших крестьянских семей, но с условием соблюдения правила целомудрия, которое стало главным маркером, отличающим жизнь в пустыни для спасения души от жизни в миру». Этот вывод автор и некоторые другие исследователи делают главным образом на широко известных материалах Выголексинского общежития. Между тем исследователи общественной жизни Выга М.Л. Соколовская и Л. К. Куандыков, мнение которых приводит диссертант, не были с ним согласны. М.Л. Соколовская пришла к выводу, что «Выговское общежитие не являлось специфически староверческой организацией. В его основе лежала черная волость с долевым общинным владением» и что «институт монашества на Выгу прекратил существование ввиду невозможности его воспроизводства» (с. 13). По наблюдению Л.К. Куандыкова, «жизнь неумолимо подтачивала монашеские устои общины. Тип общежития, который сформировался под давлением крестьянской массы – это синтез хозяйственной артели и богадельни» (с. 14). Безусловно, Андрей Денисов первоначально стремился придать своей «киновии» характер общежительного монастыря, однако идеала «чистой жизни» в «последние времена» достичь не удалось ни на Выгу, ни в других северных общинах. Вообще, на наш взгляд, не следует всегда слепо верить декларациям

старообрядческих деятелей о характере созданных ими поселений. Иногда они, чтобы избежать преследований, представляли эти поселения как обычные крестьянские общины, ведущие хозяйственную деятельность, когда же их обвиняли в безбрачном сожительстве с женами и «незаконном» деторождении, они ссылались на то, что все вступающие в общину обязуются вести (и ведут) «чистое житие». Интересно наблюдение автора о том, что живущие в скитах семейные пары, желающие иметь детей, вынуждены были на время удаляться в волостные поселения с тем, чтобы впоследствии, вместе с детьми, вернуться в скит для «чистой» жизни. Исследователь чернослободской волости XVI–XVII вв. А.И. Копанев писал о том, что волости часто содержали на своей земле небольшие монастыри, которые крестьяне воспринимали как богадельни, куда они могли «удаляться» от мира в старости для спасения души. Естественно, что после церковного раскола такие небольшие монастыри в старообрядческих волостях (где стали служить по новым книгам) постепенно захирели, т.к. крестьяне стали уходить в старообрядческие скиты. Это, должно быть, и привело в конце концов к закрытию многих монастырей во время секуляризации церковных земель в 1764 году.

Если согласится с мнением диссертанта о преобладании «чистой» безбрачной жизни в старообрядческих скитах, то станет необъяснимо многократное увеличение старообрядческого населения в северных старообрядческих волостях к началу XVIII столетия. Хотелось бы привести строки из Послания Феодосия Васильева к Андрею Денисову (Сказание о плачевном времени), написанного в 1708 г.: «Оставляю описывать прочее горкоплачевныя случаи во христианех за страх гонительства содевающихся, еже по необходимости детей своих отдают еретиком крестити, не изъявляю ношение умерших христиан в еретическую церковь погребать и поминать... Так жить безстыдно градскаго наказания боится, людскаго поношения стыдится, того ради и плача к еретиком тащится и совлекается, бедный, чрез

приятие от еретик браковенчания». И это пишет руководитель обширной федосеевской общины в Новгородском уезде и в Новозыбкове.

Диссертант разбирает сложный вопрос оценки самосожжений в расколе. Он пишет: «Случаи самосожжений, происходивших при захвате поселений стрельцами и солдатами, свидетельствуют о решимости староверов пострадать за веру в “последние времена”. Главным в поведении староверов было стремление любыми средствами сохранить православную веру, даже ценой жизни в безвыходных ситуациях» (с. 42). С этим можно согласиться. Но были случаи, когда собравшиеся для самосожжения крестьяне, под влиянием «агитаторов» искали лишь повода для ухода из жизни. Вопрос о самосожженцах издавна волновал многих старообрядческих «учителей». Известно, что Андрей Денисов и другие выговские отцы осуждали самосожжения как метод спасения от антихриста, хотя и призывали их подвиг во имя веры и советовали «кости их хранить до времени с честью». Диссертанту удалось собрать в архивах новый ценный материал о случаях самосожжений на севере.

Исследование старообрядческих поселений на Европейском Севере вопрос важный и нужный и с ним диссертант вполне справился. Особенно удачным и новым стало привлечение к исследованию обширного картографического материала (представленного в приложениях к работе) и выработка оригинальной методики его использования. Заметим, что в советское время сделать такого рода исследование было почти невозможно ввиду того, что картографический материал дореволюционного периода хранился в архивах под грифом «секретно» и выдавался лишь по специальному разрешению.

Диссертантом было собрано большое количество материалов о северных старообрядческих скитах. Особенно ценны новые материалы, извлеченные из архивных дел РГАДА, РГБ и РНБ, которые сильно дополнили источниковую базу. Не совсем четким, однако, показался нам подход диссертанта к вопросу, что именно он считает старообрядческим

скитом. Если мы имеем материал о том, что в какой-то географической местности какое-то время укрывался от властей один (или даже два) отшельника-старообрядца, можно ли этот пункт рассматривать как старообрядческое поселение-скит, или для его фиксации необходимо ведение хозяйства его насельниками, или же исполнение ими каких-либо христианских обрядов? Если «либерально» подходить к этим критериям, то количество упоминаний в источниках о существовавших «скитах» будет зашкаливать. Представляется интересным и оправданным вывод диссертанта о том, что заброшенные в первоначальный период преследований старообрядческие скиты были впоследствии (после введения двойного оклада) возобновлены и вновь заселены.

Изучение северных старообрядческих поселений и миграции в этот регион нельзя полностью отрывать от рассмотрения эмиграционных потоков в иные регионы, где условия жизни были иными, об этом следовало хотя бы вкратце остановиться в диссертационном исследовании. Это особенно важно и в силу того, что Выголексинский монастырь в рассматриваемый период с 1695 г. идеологически «окормлял» всю старообрядческую внутреннюю и внешнюю эмиграцию: Керженец, Сибирь, Ветку и Прибалтику. Как известно, в северных старообрядческих поселениях преобладали беспоповские поселения поморцев, федосеевцев, филиповцев. Конечно, при религиозной идентификации старообрядческих поселений из-за скудности материала часто трудно зафиксировать религиозный состав населения в том или ином ските или на заимке, но этому вопросу стоило бы уделить большее внимание. У читателя создается впечатление, что автор рассматривает лишь поморское течение в старообрядчестве, безусловно превалировавшее на Севере, что в диссертации не оговорено. Но, как мы знаем, существовавшие там федосеевские общины идеологически рознились от поморских из-за отличий по отношению к светской власти, что являлось одним из поводов возникшей между их руководителями полемики. Это обстоятельство, как нам

представляется, накладывало свой отпечаток и на характер расселения общин в регионе, на их авторитет и численность.

Кандидатская работа А. Н. Старицына достаточно полно и достоверно раскрывает избранную тему, систематизируя и существенно дополняя материал о старообрядческих поселениях, собранный предшествующими исследователями. Диссертантом привлечены к исследованию разнообразные, в том числе новые, ранее не использованные исторические источники, как печатные, так и рукописные. Высказанные нами выше замечания по теме касаются главным образом обширного вспомогательного материала, привлеченного исследователем, что свидетельствует о его широкой эрудиции, глубоком проникновении в проблематику избранной темы и умении работать с источниками.

Научные результаты, полученные диссертантом, имеют практическую и теоретическую значимость. Практическое применение результатов исследования возможно как в рамках исторической науки, так и филологами и искусствоведами, при подготовке научных и учебных работ и в преподавательской практике.

Представленное на отзыв диссертационное исследование соответствует требованиям ВАК к кандидатским диссертациям, изложенным в «Положении о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном постановлением правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 02.08.2016 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Основные положения диссертационного исследования апробированы на научных конференциях различного уровня, отражены в 57 публикациях, в том числе 11 статьях из списка ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованного ВАК РФ. Автореферат диссертации соответствует содержанию работы.

Автор диссертации А. Н. Старицын заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником Научно-исследовательского отдела рукописей БАН д. и. н. Н. Ю. Бубновым и зав. Научно-исследовательским отделом редкой книги БАН д. и. н. А. А. Романовой.

Отзыв обсужден и утвержден на совместном заседании научно-методического совета Научно-исследовательского отдела рукописей и Научно-исследовательского отдела редкой книги Федерального государственного бюджетного учреждения науки Библиотеки Российской академии наук, протокол № 1 от 15 февраля 2022 г.

Ведущий науч. сотр. Научно-исследовательского отдела рукописей БАН, доктор исторических наук

Бубнов Н. Ю.

Зав. Научно-исследовательским отделом редкой книги БАН, доктор исторических наук

Романова А. А.

Председатель Научно-методического совета, зав. Научно-исследовательским отделом рукописей, доктор исторических наук

Корогодина М. В.

Секретарь Научно-методического совета

Левченко Н. Н.

Подписано:
Удостоверено:

Романовой А.А.,
Левченко Н.Н.